Горел огонек

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE
IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
Горел огонек

Алексей Николаевич Кулаковский
Горел огонек
Рассказ
Перевод с белорусского Николая Горулева.

Участок у леса был далеко, да и урожай тут оказался неважный. Поэтому колхозники старались управиться сначала с лучшим картофелем, а этот участок ожидал своей очереди.

Однажды, чуть ли не на рассвете, сюда приехали ученики седьмого класса вместе со своей учительницей Галиной Александровной. Привезли плужок на одну лошадь, с десяток корзин. Пока старшие и наиболее хозяйственные Павел и Федя наладили плужок, перепрягли лошадь, мальчики сбегали в лес и принесли оттуда хвороста для костра. Во время работы не было холодно, но все же с костром веселей. Когда из-под увядших листьев показались и вкусно запахли сначала маленькие серо-синие ручейки дыма, а потом разрослись и большими клубами поплыли над сухим картофляником, когда, наконец, сквозь хворост пробились резвые, беловатые языки пламени, на поле как-то сразу все изменилось: исчезла не очень приветливая тишина, повеселел лес, несколько молодых ярко-желтых березок на опушке засветились на фоне хвойной зелени, будто свечки. Из глубины леса прилетела сорока, покачалась на одной веточке, на другой, потрещала и исчезла в чаще. Где-то близко защебетали синицы.

Около полудня появился на участке Поликарп Ступа, по прозвищу Тетерюк. Пришел, сел возле костра, разулся и начал просушивать портянки. Человек он был еще не старый - только начало переваливать за пятый десяток, - но ходил всегда вяло, по-стариковски, сутуля свою широкую плоскую спину. В колхозе он выполнял различную работу, правда, не очень охотно брался за косу, за плуг, но почти не имел прогулов и не ссорился с бригадиром. Характер у него был тихий и рассудительный.

- Что, дядька Поликарп? - обратился к нему Павел, заворачивая плуг в другую борозду. - На подмогу к нам?

- Да вот бригадир сказал: сходи там, погляди. Может, корзину поднесешь, может... Потом же и для бурта надо было бы выбрать место.

- А ноги где вы замочили?

- Тут болотце с решето... Напрямик шел. Ступил, а башмаки

протекают, чтоб они пропали...

- Его же обойти можно.

- Эх!.. - Поликарп слегка махнул портянкой. - Слишком разумные, пробормотал он про себя. - Обойти! Обошел, конечно, не лезть же в болото, как аист за лягушкой. Не велика спешка тут. Да ноги и на суше потеют.

- Дядька! - позвал уже издали Федя и остановил лошадь, - вы там дров немного подбросьте, пока хлопцы придут.

- Конечно! - послышался глухой голос.

- Подбросит! - с легкой усмешкой сказал Павел. - Сам догадается. А ты больше не останавливай лошадь без моей команды, а то я чуть-чуть через плуг не полетел.

Федя сдвинул со лба немного великоватую танкистскую шапку, со злостью дернул вожжами. Через некоторое время он заговорил с серьезной озабоченностью:

- Боюсь, чисто ли ваши хлопцы выбирают?

- Ну, что ты? - Павел даже и не думал об этом. - Наши не подведут, ведь Галина Александровна там.

- Галина Александровна городская, - усомнился Федя, - может, всех этих тонкостей и не знает.

- Знает! - запротестовал Павел. - Да и вряд ли она городская, может быть, только училась в городе.

- Тпру!

- Ну, опять! Чего ты останавливаешься?

- Пойдем спросим!

- Не останавливайся, говорю тебе, а то хлопцы нас из борозды выбросят! - Пахарь погрозил своему напарнику кулаком, однако посмотрел на него беззлобно: хитроватые серые глаза незаметно улыбнулись, круглые щеки не проявляли никакого раздражения, только маленькие полные губы немножко надулись.

Федя молча шел за плугом.

- А если бы удалось все хорошо выбрать, - уже совсем ласково заметил Павел, - сколько картофеля нынче было бы в колхозе!

- Много картофеля, - согласился Федя.

- Старики говорят, давно такого урожая не было.

- Не было, - согласился Федя. - Слушай! - вдруг оживился он. - Как ты думаешь, будет Галина Александровна есть печеный картофель или нет?

- Почему же не будет? Вот сказал!

- А знаешь, идея!

- Правильно! - согласился Павел. - Тормози у костра!

Поликарп все еще сидел на прежнем месте, согнув спину и медленно поворачивая в руках рыжую пятнистую портянку. Одна нога его была уже в башмаке, другую он держал возле самого

огня.

Федя спросил у него, остановив лошадь:

- Как тут у нас с горячей золой, дядька Поликарп?

- С золой? - переспросил дядька и перевернул портянку пятнами вверх. Это мы сейчас посмотрим.

Но пока Тетерюк собирался, Федя сам вытащил из хвороста небольшой прутик и несколько раз копнул им в углях.

- Еще рановато, - сказал Павел, - но на другом заходе уже можно.

- Надо сюда немножко песочка, песочка, - посоветовал Ступа, сразу догадавшись, о чем идет речь. - Вот я сейчас обуюсь и подсыплю.

Через некоторое время Павел громко крикнул школьникам:

- Отберите с полкорзины самой лучшей картошки! Не слишком крупной, не слишком мелкой! Ясно?

- Все ясно, - послышались веселые голоса.

- И за костром лучше наблюдайте! - добавил Федя.

- Там ведь Те-те-рюк! - зазвенел на все поле тонкий голос самого маленького работника. Звали его Микола, хотя по виду, конечно, надо было бы назвать Миколкой. Мальчик был мал ростом, с тонкой шеей, со светлым, как у девочки, лицом. Школьники замахали на него руками, однако потихоньку все засмеялись.

Галина Александровна еще не знала, как зовут того мужчину у костра, однако по тону Миколы и по усмешкам остальных учеников догадалась, что Тетерюк - не настоящая его фамилия.

- Его не так зовут? - с легким упреком спросила она Миколу.

- Почему не так? Так, - подтвердил мальчик и, покраснев, наклонился над распаханной бороздой. - У нас все его так называют.

Галина Александровна промолчала.

Между тем, издали видно было, что Тетерюк встал. Это, прежде всего, означало, что он уже превосходно высушил свои портянки, ну, а там, возможно, и работать начнет. Ребята между делом поглядывали в ту сторону, где он пока что похаживал, пригнувшись, то сюда, то туда. Потом Микола, бывший в то время ближе к костру, заметил, что Поликарп что-то сыплет на костер: раз сыпанул, другой. Огня после этого стало меньше, а дыма больше.

Как раз к этому времени приблизились к выбирающим Павел с Федей.

- Тетерюк костер засыпает! - приглушенно закричал Микола, подбежав к ним.

- Он не засыпает, - сказал Павел, напряженно удерживая

плуг, - он подсыпает в костер песочек, чтобы золы было больше.

- Ага! Ребята, тихо! - на бегу подал Микола команду. - Все в порядке.

Подсыпав еще что-то в огонь, подложив хвороста, Поликарп вяло двинулся туда, где выбирали картофель. Ребята поздоровались с ним, услужливо подали пустую корзинку.

- Нет, братцы, - тихо сказал Поликарп, почему-то со всех сторон осмотрев корзину, - мне уже тяжело нагибаться. Вот я тут помогу носить вам картофель, может, где кучу картофляником прикрою до времени. А потом пойду. Мне же еще в свою бригаду надо. - Он оглянулся, взял возле себя неполную корзину в одну руку, затем прошел немного и взял еще корзину в другую. Корзины эти болтались на ходу в его руках, как игрушки. Опорожнив тару, он стал рассматривать груду картофеля так же внимательно, как недавно рассматривал корзину. "Хорошее тут место для бурта, - думал он, - или не очень? Видимо, не очень, потому что низко здесь. Подмокнет картошка, пропадет. Но черт ее бери. Не столько в прошлые годы пропадало, гнило! Если переносить ее на высокое место, дотемна не перенесешь..."

- Давайте скорее корзины! - не утерпел Микола. - Дядька Тетер... Поликарп!

Галина Александровна испуганно глянула на мальчика и стала еще более старательно ссыпать картофель в большую корзину, до этого пустующую.

Поликарп не сказал ничего в ответ и не поторопился. Он только поднял с земли корзины, еще раз осмотрел их и, размахнувшись, бросил сначала одну, потом вторую. С глухим шумом и свистом, будто мины, корзины долетали до Миколы. А сам Поликарп все еще долго похаживал возле кучи и ногою подгребал откатившийся картофель.

Время приближалось к обеду. Опять поравнявшись с выбиральщиками, Павел на ходу стянул с головы кепку с коротеньким козырьком и пуговицей наверху, махнул ею в воздухе и показал в сторону костра. Микола в тот же момент закричал:

- Команда, пошли!

А сам взял корзину с отборным картофелем и побежал вперед.

У костра Федя подкинул лошади свежей травы, оглянулся на то место, где лежал его прутик, но прутика не было: наверно, дядька Поликарп бросил его в костер. Подошел Миколка, за ним все ученики и Галина Александровна. Зашагал напрямик, через распаханные борозды и Тетерюк, принес в карманах несколько гладких и круглых, как яблоки, картофелин.

- Зола, - медленно сказал он, глядя на костер, - зола теперь должна быть хорошая.

Федя выломал другой прутик, отодвинул в сторону головни, крупные угли. Пепла и золы было и в самом деле много. Павел лопаткой разгребал золу, а Микола подошел к костру с корзиной и начал руками укладывать картофель.

- Испечешься ты сам, как картошка, - шутили мальчики.

Все они стояли теперь вокруг костра, каждый старался чем-нибудь помочь, если не делом, то советом. Через головы всех хозяйственно смотрел на свежую золу Поликарп.

- Можно и одну на другую класть, если не вмещается, - подал он совет. В такой золе испечется.

Заложили почти полкорзины. Старательно завернули золу, прикрыли пеплом и мелкими угольками. Тогда наверх пошло все: и крупные угли, и головни, и недогоревший хворост.

- Теперь сюда надо еще хвороста, - приказал Павел, - и поедем. Мы распашем еще вон ту деляночку за горкой, а вы ухватите вон те борозды. Тогда - обедать. Картофель не пригорит в золе. Кто будет ближе, наблюдайте!

Если сказать правду, то ребятам не очень хотелось отходить от костра. Это был уже не просто костер, тут пекся картофель, да еще какой картофель! Даже Галине Александровне подумалось, что, наверное, нигде на свете нет ничего более вкусного, чем эта печеная картошка.

Но Павел с Федей пошли, надо было идти и всем. Шли и оглядывались на костер: казалось, над всем полем начал разноситься запах печеной картошки, представлялась она мягкой, рассыпчатой, а если где-нибудь немножко и подгорелой, так только до самой вкусной желтизны. Сколько же пройдет времени, пока она испечется? Солнце теперь стоит над лесом. На него можно даже смотреть, оно теперь не режет глаза, не искрится, а так, будто улыбается ласково и немножечко тоскливо. На картофлянике возле леса сверкает поздняя паутина бабьего лета. Спустится солнце до вершин деревьев, тогда уже, может быть, и картошка будет готова. Кому же за ней наблюдать? Пусть дядька Поликарп наблюдает. Он ближе к костру, он редко и отходит от костра: то прикуривает, то что-то там поправляет. Микола два раза называл его Тетерюком, да это ничего! Он вряд ли слышал, а если и слышал, то, наверное, не обиделся. За что же тут обижаться?

Работа спорится, ничего, что уже немного ноют спины, пальцы побаливают, когда разгребаешь землю. Павел сказал, что надо "ухватить" эти борозды. И Галина Александровна подтвердила. А где же сам Павел с Федей, с лошадью и плугом?

Их даже и не видно за горкой. Долго ли еще они будут там?..

Вскоре пахари показались из-за горки. Все ученики пошли им навстречу.

- Задание выполнили! - отрапортовал Микола.

Шли колонной вслед за плугом. Поравнялись с Галиной Александровной, и она тоже присоединилась к колонне. В конце поля горел огонек. Небольшой. Большого теперь и не надо. Возле костра сидел, согнувшись, дядька Поликарп. Издали он напоминал большой мешок картошки. Наверное, ожидает всех дядька Поликарп, картошка уже готова.

Чем ближе к костру, тем быстрее шагали ребята. Даже лошадь и та шла резвее, потому что, наверное, чувствовала, что возле костра ожидает ее отдых и зеленая трава.

Когда идти оставалось уже немного, все заметили, что дядька Поликарп вдруг почему-то зашевелился, и довольно проворно, совсем не так, как он шевелился на работе. И почему он зашевелился? Учеников это немного удивило. Потом стало еще более странно: дядька Поликарп встал, как-то боком, через плечо, глянул на мальчиков и, спрятав голову в воротник, пошел, согнувшись, прочь от костра.

Все подбежали. У костра валялась шелуха, крошки белой, как мука-крупчатка, картошки, выеденные со средины половинки. Зола была разбросана, уголь и хворост развалены. Тетерюк еще раз по-волчьи оглянулся и чаще закачал широкой сутуловатой спиной. Вслед за ним поплыл дымок костра школьников...

И показалось ребятам, что они еще никогда не видели такого недоброго дядьки.

1955